

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев
"Если хотите знать народ, изучайте его на улице", - сказал один философ. К русскому человеку скорей всего можно сделать такое приложение. Наш простолюдин - гость у себя дома, и часто гость очень церемонный; тут вы от него иногда слова не добьетесь. Он является домой большою частью для того только, чтобы поесть, отдохнуть, да, пожалуй, умереть. Вся его жизненная и общественная деятельность выражается на улице: здесь он работает, пьет, гуляет, бранится, торгует, мошенничает, значит, весь нараспашку; наблюдай и рисуй, сколько хочешь".

Так г. Голицынский начинает вступление к своей книге "Уличные типы". Это его программа. Из этих слов видно, что автор придает своему произведению довольно важное значение; он полагает, что оно может познакомить читателя с народной жизнью, и, конечно, всякий образованный читатель согласится, что узнать свойства и потребности нашего народа - насущная задача нашего времени. Мы с живейшим сочувствием встречаем комедии Островского и Писемского, потому что они открывают черты народного характера; каждое собрание песен, сказаний, легенд подвергается серьезной критике и внимательному изучению; каждая черта народной жизни, занесенная в летописи или в разгульную песню бурлака, с любовью и с жадным вниманием отмечается талантливыми и добросовестными исследователями нашей отечественной истории. - Мы недавно принялись за изучение народности и как будто в разъяснении ее хотим проверить свой недостатки, слабости, несчастия, одним словом, подметить и определить истинные черты своего характера. Мы приходим к сознанию, что историческая маска вовсе не передает верного портрета народной физиономии. И вот нам обещают представить ряд картин, изображающих жизнь народа на московских улицах. Это любопытно. Не ожидая глубокого изучения, мы, однако, позволяем себе надеяться, что встретим несколько сцен, полных жизни и здорового юмора, несколько метко схватченных черт народного характера, несколько типических, бойко очерченных фигур. Надеемся наконец, что автор, согласно своему обещанию, отнесется к предмету серьезно и тепло, как должно относиться к свежему, молодому организму, не успевшему развернуться, но представляющему задатки здоровой силы и будущей самостоятельной деятельности. Во имя этих задатков надо извинить и оправдать существующие безобразные уклонения и ошибки; молодостью этого народа, его неразвитостью объясняется большая часть его слабостей и недостатков. Мы не требуем оптических обманов, мы не боимся тяжелого впечатления, не отвертываемся от нравственного зла, но настоятельно требуем, чтобы это зло было нам объяснено, чтобы наше обличение было не клеветой на действительность, не камнем, брошенным в грешника, а осторожным и бережным раскрытием раны, на которую мы не имеем права смотреть с ужасом и отвращением. Наука и искусство должны мирить нас с жизнью, объясняя нам ее смысл и внушая мягкое и осмысленное сострадание к самим, повидимому, неизвинительным уклонениям ее от законов разума. Закон осуждает уголовного преступника, отделяет его от общества, наказывает его физическою или гражданскою смертью, повинуясь грустной необходимости оберегать большинство и во имя его интересов и безопасности жертвовать отдельною личностью; но человек, и тем более художник, должен видеть в преступнике человека, смотреть на него как на больного и не клеймить его своим презрением. Объясняя преступление, мы уже до некоторой степени его извиняем; человек дурно воспитанный, не видевший с детства ни ласки, ни совета, может сделаться бездушным эгоистом, мелким или крупным взяточником, уличным вором или грубым despotom в семействе, смотря по тем обстоятельствам, при которых сложилась его жизнь, смотря по тому положению, которое он займет в обществе, смотря по тем жизненным средствам, которые достанутся ему на долю. Порок, которому он предается, конечно будет противен нашему нравственному и эстетическому чувству, но одержимая им личность возбудит наше сострадание; если дерево растет в сук, его надо выправлять, разузнав сначала причины, заставившие его уклониться от нормального направления; если ребенок капризен или склонен ко лжи, надо изучить его характер и подыскать средства, способные действовать на него благотворно, а не презирать его и не глумиться над его слабостями. А разве больной не тот же ребенок? А разве человек, испорченный в нравственном отношении, - не больной? А разве пороки целого сословия или даже целого народа не болезни? Относиться к этим порокам с легкою шуткою - непростительно. Это значит зубоскалить над тем, от чего многие страдают и плачут. Относиться к ним с беспощадным осуждением, хладнокровно презирать их значит быть ребенка за то, что он не понимает заданного урока. Есть, конечно, нравственное зло до

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org такой степени наглое, есть люди до такой степени испорченные, что против них возмущается вся наша природа; от таких людей отступится самый гуманный педагог, самый великодушный филантроп, как самый просвещенный медик может отказаться от больного, уже превращающегося в труп. Но с такими исключениями литературе нечего делать. Раскачивать грязь, чтобы показать, как она грязна, раскачивать ее без малейшей надежды и даже без желания отыскать в ней что-нибудь, заслуживающее оправдания или объяснения, - труд бесплодный и неблагодарный. Что говорят нам злодеи разных парижских и лондонских тайн, наводнявших французскую литературу? Что есть негодяи, мошенники и разбойники. Это всякий знает. Кто желает по этому предмету навести статистические справки, тому всего удобнее обратиться в архивы уголовных судов. Там по крайней мере найдется действительность, а не подделка, не вымысел. Со стороны художника нельзя считать законным ни враждебное отношение к выводимой им действительности, ни холодное равнодушие. Кто смотрит на предмет неприязненно, тот видит или слишком мало, или слишком много, тот вместо картины представит карикатуру. Кто смотрит на предмет совершенно холодно, тот не имеет достаточной побудительной причины взглянуться в него и изучить его, тот не имеет достаточно внутренней силы и теплоты, чтобы выносить его в груди и вдохнуть ему живое дыхание жизни. Фотография - не картина, и ремесленник - не художник, хотя бы он довел до высокого совершенства техническую отделку своих произведений. Дайте нам в художнике человека, и хорошего человека, способного хоть в минуты творчества любить горячо и сильно, стремиться к добру и красоте и, ненавидя зло, прощать и щадить злодея, как слабого и больного человека! Чтобы воссоздавать сцены народной жизни, всего необходимее эта способность любить, способность спускаться в мироизмерение людей, стоящих ниже нас по своему развитию, и не относиться к их радостям и горестям, к их ошибкам и страданиям с холодной высоты отвлеченной мысли.

Эти замечания вызваны не самою книгою г. Голицынского, а теми ожиданиями и требованиями, на которые дает нам право самоуверенный и самодовольный тон его вступления. Трудно, впрочем, согласиться с теми словами, которые я привел в начале статьи. Россия - не Италия, Москва - не Рим; ни климат, ни характер народа не располагают к такому обширному развитию наружной жизни, при котором изучать народ было бы всего удобнее на улице. Мысль о том, что русский "простолюдин - гость дома, и часто гость очень церемонный", высказана г. Голицынским смело и голословно, как неопровергимая аксиома. Доказательства, которые он выдвигает на поддержку ее, состоят в общих фразах, которые в свою очередь должны быть доказаны. "Вся его жизненная и общественная деятельность, - говорит автор, выражается на улице". В чем же состриг эта жизненная и общественная деятельность? Вот в чем: "здесь, - продолжает г. Голицынский, - он работает, пьет, гуляет, бранится, торгует, мошенничает, значит, весь нараспашку..."

Работает русский человек, сколько мне известно, не на улице, а в мастерских или у себя дома, - стало быть, с этой стороны изучить его на улице мудрено; сам г. Голицынский, кроме извозчиков, не нашел в уличных типах ни одного ремесла, производимого на улице. Торгует русский народ действительно отчасти и на улице, но что же из этого? Если вы будете наблюдать русского человека с одной этой стороны, то рискуете или не сделать никакого заключения о его характере, или прийти к неверным выводам. Глядя на суетливость московских мелких торговцев, вы, пожалуй, подумаете, что деятельность и подвижность составляют основные черты народного характера. Затем, из всех проявлений "жизненной и общественной деятельности" русского человека остается только т.о., что он на улице _пьет_ (?), гуляет, бранится и мошенничает. Чтобы по этим проявлениям составить себе понятие о народном характере, надо быть ясновидящим или пророком, а ясновидящему не нужно вовсе никаких наблюдений; он и так угадает дух народа. Но г. Голицынский - не пророк, и потому ему следовало бы взглянуться в свой предмет попристальнее и подумать посерезнее. Считать вычисленные им проявления существенными моментами народной жизни значит не понимать народа, не любить и не уважать его. Если мы хотим знать о народе только то, как он работает, торгует, пьет, гуляет, бранится и мошенничает, то мы этим самым или отвергаем в нем присутствие других, более благородных инстинктов, или не интересуемся ими. Как мужик любит, как он живет в семействе, как он воспитывает своих детей, что думает и чувствует - этого мы, стало быть, и знать не хотим. Если народность дает нам повод состригать, рассказать забавный анекдот или нарисовать бойкую карикатуру, тогда мы ей рады, как слушаю выказать наше остроумие, а иначе нам до нее и дела нет. Приступить с такими идеями к изучению русского народа - по меньшей мере несовременно. Но может быть, подумает читатель, это только неудачное выражение,

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org употребленное в предисловии г. Голицынского случайно и не имеющее логической связи с характером всей книги.

Посмотрим же, что дает нам книга и насколько в своих очерках автор остается верен идеям, высказанным в вступлении. Во всей книге четыре очерка: "Нищие", "Приезжие мужички", "Прислуга" и "Представители толкучего рынка". В очерках "Приезжие мужички" автор описывает те иллюзии и мистификации, которые приходится встретить простолюдину-провинциалу на московских улицах. Вот идет по тротуару мужик, спрашивая у каждого встречного, где живет "немка Мантилья Карловна, белобрысая такая, дюжая из себя" (стр. 24); вот мужик хлебнул московской водки и отплевывается, говоря, что у них "водка в Смоленске хмельнее и лучше" (стр. 25); далее мужики разговаривают о том, как "немец по пружине на телеграпе чихвири пишет" (стр. 25). далее заезжий извозчик-ванька терпит горькую долю то от господ, дешево платящих за далекие концы, то от казака, везущего в часть арестанта, то от таких людей, которые от извозчиков уходят в проходные дворы. В этом очерке остроумие г. Голицынского разыгрывается самым роскошным образом. Не смешно ли в самом деле, что мужик говорит Мантилья вместо Матильда, телеграп вместо телеграф, чихвирь вместо цифра? Не смешно ли, что мужик не знает, что спрятываются об адресах в адресном столе или в полиции, что в московских кабаках продают разбавленную водку, что от Сухаревой башни до Зубова очень далеко и что бывают дома с проходными дворами? Выставить напоказ это незнание и посмеяться над ним с полным удовольствием и с беззаветным увлечением - вот цель автора в названном очерке, и, конечно, цель достигается вполне. Народность выводимых личностей тоже выражается вполне, как в их незнании, так и в их произношении. У нас еще до сих пор не перевелись писатели, которые характеризуют русского мужика тем, что он почесывает затылок, говорит эф тот вместо этот и коверкает иностранные слова. Гуманность этих писателей вообще, и г. Голицынского в особенности, заключается по большей части в том, что они, считая слово мужик грубым и обидным, представляют его в смягченном виде мужичок. Совершенно одобряя такого рода гуманное смягчение, я позволю себе заметить, что в таком случае было бы очень хорошо и удобно, а главное дело, гуманно говорить: казачок вместо казак, солдатик вместо солдат, бабочка вместо баба, смягчая таким образом постоянно слова, обозначающие собою низшие ступени сословий.

В рассказе "Прислуга" вся соль заключается в том, что лакеи, кучера, кухарки и горничные на чем свет стоит ругают своих господ, рассказывают о их любовных похождениях и отпускают друг другу площадные любезности и такие же остроты. Вот, например, сцена за воротами (стр. 35):

- Какой же это клуб на Цветочном бульваре? - спросили лукаво девушки.
- А мы там свой завели (отвечает кучер), тальянский, значит, с французским угощением... на немецкий лад.
- Кучер опять откашлялся, наклонил голову на сторону и запел под свою гармонию: "Вот на-а пути-и-и село-о большо-о-е, туда..." - Что ж орешками-то не попоштуете, - крикнул он неожиданно, щипнув за талью одну из слушательниц.
- Ах, чтоб тебе лопнуть! Жид ты эдакий! Перепугал до смерти! - крикнула та в свою очередь, изо всех сил треснув его по спине ладонью.
- Попоштуйте орехами-то, хоть крепки ли зубы попробовать.
- Нате вот, берите, коль не побрезгаете.
- Из вашего платочка завсегда очинно приятно, - отвечал ловелас с необыкновенною галантерейностью.
- Почему ж это?
- А потому не в пример скучнее орехи будут... "Его забилось ре-е-ти-во-ое и по-о-тих..." и т. д.

Были и до сих пор есть писатели, принимающие тривиальность за народность; употребляя слова треснуть, лопнуть, тальянский, галантерейность, поштовать, скучнее и восклицания вроде: жид ты эдакий!, г. Голицынский убежден в том, что, во-первых, он уловил букет народности и что, во-вторых,

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org он создал сцену, исполненную неподдельного комизма и самого живого юмора. Писатели с посредственным талантом и с ограниченным даром наблюдательности не умеют воссоздавать народное миросозерцание и часто вовсе не подозревают его существования. Они подмечают только внешние угловатости и резкости, и потому их сцены из народной жизни, при бедности и бесцветности внутреннего содержания, отличаются аффектациею и подделкою народного разговорного языка. Иным это нравится, и немудрено; романы гг. Зотова и Воскресенского находят себе многочисленных читателей; выходки фарсеров в водевилях, дающихся для съезда и разъезда публики, возбуждают в райке громкий хохот и рукоплескания. Эстетические понятия и требования различных людей отличаются бесконечным разнообразием; почему же и г. Голицынскому не прослыть в известном кругу читателей юмористом и знатоком русской народности? Наше дело – показать, что в его книге можно встретить, чтобы предостеречь более разборчивую публику от разочарования. Комизм г. Голицынского далеко не изящен, но смеется каждый тому, что ему кажется смешным; смеялся же сослуживец Жевакина {1} над тем, что ему показывали палец, а между тем у кого же достанет духу быть за это в претензии на добродушного мичмана? Но если писатель позволит себе смеяться над тем, что в каждой гуманной личности должно возбудить чувство грусти, сострадания или ужаса, тогда мы вправе сказать и доказать, что такой смех – кощунство и что влияние его, по крайней мере на ту часть публики, которая верит авторитету печатной буквы, безнравственно и вредно. Это гаерство, которому нужен канат и дурацкая шапка, чтоб развлекать публику, а не любовь и симпатия к народу. Читая очерки г. Голицынского "Нищие" и "Представители толкучего рынка", я не мог отдать себе отчета в том, с какою целью написал их автор. Я даже сомневаюсь, чтобы сам автор сознавал в них какую-нибудь цель. Хотел ли он обличить плутни нищих и московских жуликов и должно ли поставить эту статью наряду с книгою г. Зоркина, обличающего плутни шулерской игры? Хотел ли он представить ряд очерков с чисто эстетическою целью, как писатель, изображающий "бедность, да бедность, да несовершенства нашей жизни"? Что он хотел сделать, мы не знаем; посмотрим же, что он сделал.

В очерке "Нищие" представлены _салопница, бедный, но благородный человек_, шарманщик_, и, наконец, очерчен вертеп или подвал, в котором живут калеки-нищие, пробавляющиеся милостынею у входа в церкви, на паперти, на бульварах и на улицах. Почти во всех этих сценах мы имеем дело с поддельною бедностью, и автор везде обращает внимание не на степень материального недостатка, а на средства, которые употребляют бедняки, чтобы возбуждать сострадание народа. Он относится к самой бедности их холодно, а по поводу их пронырства и искусства притворяться дает полную волю своему натянутому юмору. Он чрезвычайно игриво острит и над салопницей, и над _"бедным, но благородным человеком"_, и даже над бедною девочкою, сопровождающей шарманщика и делающеюся жертвою разврата в таком возрасте, когда еще ни физические, ни нравственные силы не окрепли и не способны поддержать и предохранить ее от пагубного влияния окружающей среды. О салопнице он говорит например, что салоп "служит таким же отличительным признаком ее звания, как, например, для испанки мантилья" (стр. 9). О _"бедном, но благородном человеке"_ приводится целая сцена (стр. 11), в которой такой проситель на ломаном французском языке обращается к состраданию порядочно одетого господина. Остроумие г. Голицынского остается верно себе: вся соль этой сцены заключается в искажении французских слов, которые даже для большей картинности напечатаны русскими буквами. Например:

"– Vous demandez _l'aumone?_ {Вы просите милостыни (франц.). – Ред.} (спрашивает господин).

– Фи дон, лимон... (отвечает проситель), же при сюр поврете, мусье". {Испорченное франц.: "Fi donc, l'aumone... je prie sur pauvreté" – "Что вы, милостыню... я прошу на бедность". – Ред.}

Веселость г. Голицынского не помрачается даже тогда, когда он рассказывает о том, что одного _"бедного, но благородного человека"_ нашли замерзшим на улице. Остроумие его не сдерживается и перед трупом. Дело вот в чем. Однажды отставной чиновник выпросил у г. Голицынского гриненник, говоря, что ему необходимо ехать на Амур; на другой день утром, в присутствии г. Голицынского, поднимают на улице чей-то замерзший труп. "Представьте же мое удивление, когда, взглянув на его посинелое лицо, продолжает автор, – я узнал вчерашнего амурца. И даже бронзовая медаль болталась у него в петлице. Доехал! – подумал я и спросил у квартального: куда ж вы теперь его повезете?" – Человек умер как собака, под забором, без приюта, без ласки и не возбуждает в г. Голицынском даже той жалости, какую невольно чувствуешь

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org к страданиям животного. Я могу объяснить этот факт только гипотезою; вероятно, г. Голицынский заподозрил своего амурца в пьянстве и, возмущенный этою слабостью, отнесся к его жалкой кончине с добродетельным равнодушием и презрением. Но любопытно то обстоятельство, что сцена, рассказанная г. Голицынским, производит на читателя совсем не то впечатление, какого ожидал автор. Если кто из трех личностей, действующих в сцене, рассказанной г. Голицынским, способен, подействовать на читателя тяжело и враждебно, то это, конечно, тот я, от лица которого идет весь рассказ. Бродяга, собиравшийся ехать на Амур, умер мучительной смертию, он погиб, как "собака под забором". Если квартальный отзыается о смерти человека совершенно равнодушно, то это извиняется его необразованностью или давнишней привычкою. Но что же сказать в оправдание того я, который, закутываясь в шубу, думает о замерзшем бедняке: "доехал!", что значит другими словами: "околел! туда и дорога!" А всего любопытнее то, что г. Голицынский даже не выделяет себя из этого я, не замечает, что это я нуждается в оправдании или в презрительном сострадании, и, довольный своею теплою шубою и неиссякаемым остроумием, переходит к другим забавным сценам. К числу таких забавных сцен относится аукцион на ребенка, происходящий в вертепе (стр. 18). К числу таких же сцен относится смерть ребенка в этом вертепе, смерть, которая рассказана так: "Мать видит, что ребенок действительно кончается, и начинает выть и причитать по привычке. Жильцы вертепа, бог знает почему, хохочут. Через час маленький герой наш умирает, и - *finita la commedia*" {Конец (букв.: комедия кончена) (итал). - Ред.} (стр. 20). Что за наглый цинизм! кто дал право г. Голицынскому относиться так грубо к лучшим чувствам человеческой природы! Мать - нищая, развратная, безносая женщина, как неоднократно (стр. 19, 20) с каким-то особенным удовольствием повторяет г. Голицынский; так что же из этого? Разве она не может любить своего ребенка? Она отдает его напрокат другим нищим старухам, она торгует им, она поступает отвратительно, но что же из этого? Разве в минуту агонии ребенка в ней не может проснуться материнское чувство, усиленное внезапно выступившими угрызениями совести. Надо быть сердцеведцем, надо быть богом, чтобы осмелиться сказать, что эта несчастная мать веет и причитает по привычке. Жильцы вертепа смеются - немудрено! Образованный человек, литератор находит сказать только *finita la commedia*; было бы удивительно, если бы нищие не смеялись и не глумились над смертью бедного ребенка; осуждать их за это несправедливо, можно только заметить, что сцены, подобные описанной, составляют клевету на человечество. Они могут войти только в протокол уголовного процесса; многое совершенно неправдоподобное случается иногда в действительности, но мы не поверим художнику если он представит нам в своей картине эти случайности и исключения, потому что исключительные положения не дают материала для типа, а только могут быть до некоторой степени объяснены случайным и странным стечением обстоятельств. В природа встречаются, может быть, совершенные злодеи, но нужен колossalный талант, чтобы заставить поверить в возможность такого злодея, представленного в литературном произведении. Если смерть ребенка в вертепе нищих происходила перед глазами самого г. Голицынского, тогда холодный цинизм, с которым она рассказана, приведет читателя в ужас. Если эта сцена создана фантазией) автора, тогда это лишний камень осуждения, брошенный без особенной причины в класс людей, который нуждается в сострадании и который безусловно презирать - несправедливо, чтоб не сказать больше. Народные пороки - вопрос до такой степени серьезный, что к нему надо относиться осторожно, с знанием и пониманием дела, с полною способностью сочувствовать несчастному и с полным желанием простить и оправдать то, что упало в грязь случайно и стремится из нее выйти. В подобных случаях всегда лучше быть слишком мягким, нежели слишком жестоким; изящнее, справедливее и гуманнее тот сердобольный купец или мужик, который подаст нищему грош, не спрятавшись даже о его нравственности, чем тот писатель-обличитель, которому во всяком оборванном просителе мерещится тунеядец, обманщик или мошенник. Г. Голицынский так презирает поддельную бедность, что рядом с нею решительно не дает места истинной бедности. Эта брезгливость не достойна ни художника, ни развитого человека. Подумайте, что такое поддельная бедность! Заслуживает ли она действительно такого безжалостного осуждения? Если просит милостыню человек, имеющий состояние, то это болезнь, мономания. Если человек, действительно не имеющий средств и даже работы, прикидывается калекою, то он выставляет только яркую вывеску того положения, в котором действительно находится. Нищенство - занятие очень неизящное; нищенство разворачивает того, кто им питается, - это справедливо, но нищенство не излечивается тем величавым презрением, с которым вы будете смотреть на бедняка. Амурец, которому г. Голицынский дал гривенник, был очень здоров, однако это не помешало ему замерзнуть; стало быть, он действительно был в крайности, потому что даже автор "Уличных типов", строгий censor morum,

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org {Блюститель нравов (лат.). - Ред.} не говорит положительно о том, что он замерз в пьяном виде. Зачем, скажете вы, здоровому человеку нищенствовать и пить, когда он может работать? Да разве, отвечу я, всякому здоровому человеку так легко найти себе работу? Вы без рекомендации не найдете дворника, не пустите к себе в дом кухарку, тем более не дадите работы человеку, протягивающему вам руку на улице. А может быть, есть между нищими и такие люди, которые душою рады были бы найти себе занятия. Может быть, униженные случайно, эти люди стремятся выйти из своего тяжелого положения, но их отталкивает окружающее общество, и они медленно разворачиваются и милятся с жизнью тунеядца и бродяги. Сидя без хлеба и без места, отведавши случайно, в крайности, дарового пропитания, молодой и здоровый малый может совершенно испортиться, отбиться от работы и поступить в разряд поддельных калек. Жалкое падение, скажем мы, но это падение, как и большая часть человеческих пороков, простительно и заслуживает сострадания, а не презрения. С распространением грамотности развивается обыкновенно трудолюбие, и, следовательно, уменьшается число тунеядцев и нищих. Содействовать такого рода усовершенствованию - дело каждого честного гражданина, но кто же станет этому содействовать. У кого хватит духу смеяться над тем, в чем проявляется слабость человеческой природы во всей своей ужасающей наготе? Кто способен стать к очерку г. Голицынского в критические отношения, тому он покажется жалок и смешон; кто увлечется юмором автора, тот вместе с ним погрешит против справедливости и здравого смысла.

"Представители толкучего рынка", конечно, бледнеют перед очерком "Нищие". Автору не приходится иметь дело с такими мрачными явлениями жизни, и потому остроумие его уже не производит на читателя такого сильного и странного впечатления. В этом очерке любопытно и поучительно заметить только то, что автор с особенным удовольствием напирает на подробности, напоминающие романы Поль де Кока; но у Поль де Кока эти подробности наивны и веселы, а у г. Голицынского они просто плоски и грязны. Он любит останавливаться на таких подробностях, в которых, по его мнению, лежит и особенность русского народа и местный колорит московского толкучего рынка. Как ест русский мужик, и чем от какой рыбы пахнет, и как поддерживается теплота в кушанье на открытом воздухе - все это описано с такою любовью, что иностранец мог бы подумать, что русская народность без этих особенностей невообразима. Опять мы скажем: "вольному воля!" Остроумие г. Голицынского мне кажется плоским и натянутым, но ведь много у нас на Руси такой публики, для которой двусмысленный, часто очень топорный анекдот стоит любой комедии Островского; что же с этим делать? Как ни грустно признаться в этом, а можно быть уверенным, что книга "Уличные типы" разойдется хорошо и что, читая ее, многие православные будут надрывать животики. Приятно по крайней мере встретить в этой же самой книге приговор над нею в беседе двух букинистов. Обсуживая состояние современной книжной торговли, один из этих промышленников замечает между прочим, что книжка "Старичок-весельчак, рассказывающий старинные московские были", {2} вышла шестым изданием и "ходко идет". Этими словами букиниста г. Голицынский, очевидно, дает публике урок и старается показать ей, что она раскупает дрянь и ею услаждает свои досуги. Но мы пожалели бы и букиниста и публику, если бы этот урок послужил в пользу и был применен к оценке разобранной нами книги. "Уличные типы" г. Голицынского составляют на русской почве подражание бесчисленным юмористическим изданиям, наводняющим французскую литературу и потешающимся над смешными и плачевными сторонами народности. Все эти издания, начиная с самого роскошного "Le diable à Paris", {"Черт в Париже"}. {3} - Ред.} отличаются гласированной бумагой, прекрасным выполнением рисунков и замечательной пустотой содержания. Все эти качества замечаются в книге г. Голицынского, конечно в ослабленном виде, как и следует ожидать от подражания. О пустоте содержания мы уже говорили; о внешности издания нельзя не отзваться с похвалою. Бумага и шрифт хороши; а рисунки напоминают собою манеру Гаварни и выполнены опытной и искусной рукой. Даже жаль, что издержки издателя и талант художника потрачены на такую ничтожную книгу. Эта книга сама по себе, конечно, не стоила такого подробного разбора, но я решился отдать ей несколько страниц, потому что она грубо и неловко затрагивает предмет, близкий сердцу каждого честного человека. Грустно видеть, когда гримасничают, кривляются и глумятся над таким предметом, который любишь горячо, искренно и сознательно, над предметом, которому даровитые деятели посвящают лучшие труды свои, к которому избранные люди приступают с любовью и уважением. Тут поневоле зашевелится в душе негодование, и невольно подумаешь, что, проходя молчанием постыдное кощунство, делаешься его пассивным соучастником и ободрителем. В оправдание книги г. Голицынского сказать нечего. В извинение самого автора можно

Несоразмерные претензии. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org привести разве то обстоятельство, что он сам не ведает, что творит: и в этом лучшее оправдание его перед судом критики.
1861 г. январь

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!